

Яр Кремень

Книга 2. Код страха. Скрытый код

СКРЫТЫЙ КОД

Яр Кремень

Книга 2. Код страха. Скрытый код

«Автор»

2026

Кремень Я.

Книга 2. Код страха. Скрытый код / Я. Кремень — «Автор», 2026 — (СКРЫТЫЙ КОД)

В мире, где страх стал оружием, а память — последним пристанищем души, выжившие создали «Рассвет» — хрупкий оазис эмоций, сплетённый с загадочными кристаллами Улья. Но из глубин прошлого приходит новая угроза — бесчувственный порядок под названием «Курчатовец». Его посланник, полковник Тарасов, предлагает сделку: откажитесь от чувств, боли и памяти — и получите вечный покой. Игорь Громов, лидер «Рассвета», стоит перед выбором: сохранить человечность со всеми её ранами или принять «очищение» ради выживания. Когда «Курчатовец» начинает красть детей, стирая их прошлое, а внутри общины зреет раскол, Игорь и его семья должны найти способ сражаться не оружием, а самой жизнью — шумной, несовершенной, полной боли и любви. Это история о том, что делает нас людьми, когда на кону — не просто существование, а право чувствовать. И о цене, которую придётся заплатить за то, чтобы остаться собой в мире, который хочет сделать вас пустым.

© Кремень Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Республика Семьи	5
Глава 2: Гость из прошлого	9
Глава 3: Первая потеря	13
Глава 4: Решение и раскол	17
Глава 5: Операция «Зеркало»	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Яр Кремень

Книга 2. Код страха. Скрытый код

Глава 1: Республика Семьи

Рассвет был не просто временем суток. Он был именем, обещанием и стеной. Город-сад «Рассвет» цвел на месте старой дачи, как живой, диковинный организм, прорастающий сквозь руины страха. Кристаллы Улья, некогда угрожающие и чужие, стали скелетом и нервной системой этого нового мира. Они поддерживали ажурные мостики над ручьями, служили опорами для теплиц, где зрели овощи под мягким синим сиянием, и резонировали тихим гулом, похожим на отдаленное пение сфер. Этот гул менялся: ровное, спокойное биение означало мирный день; тревожная, прерывистая вибрация – надвигающуюся бурю в коллективной душе поселения.

Дети, рожденные уже после Пробуждения, играли у подножия сияющих структур, не видя в них ничего необычного. Для них это были просто деревья, горки, укрытия. Их смех, чистый и лишенный подтекста пережитого ужаса, заставлял ближайший кластер мерцать в ответ золотистыми искорками – Улей учился радости.

Игорь Громов наблюдал за этой идиллией из окна своего кабинета, если это помещение с грубым деревянным столом, заваленным бумагами, и старой радиостанцией можно было так назвать. Он больше не чинил краны и не сражался с тенями лопатой. Теперь он чинил людские отношения, распределял ресурсы, разрешал споры и пытался удержать хрупкий мир от расползания по швам. Его «дар», интерфейс «Родственного Кода», эволюционировал. Если раньше он видел структурные слабости бетона или страх в глазах врага, то теперь мир представлял перед ним паутиной светящихся нитей – социальных связей и эмоциональных состояний.

Над головой каждого жителя «Рассвета» вился едва заметный, цветной ореол. Зеленые, переплетающиеся нити – доверие и дружба. Короткие, алые всплески – гнев или страх. Тупые серые клубки – затаенная обида, усталость. Голубые, тянущиеся вверх струны – надежда. Игорь научился читать эту постоянно меняющуюся карту. Вот густая серая паутина между плотником Антоном и садовницей Марьей – старый, невыговоренный спор о границе участков, отравляющий их неделями. Ярко-красный сгусток вокруг подростка Вани – животный страх быть отвергнутым новой компанией. И та самая, тонкая, но не рвущаяся алая нить, что тянулась от его собственной груди через всё поселение к дому, где жил его сын, Матвей. Трещина. Не разрыв, но трещина, холодный ветерок из которой пронизывал порой всё его существо.

Он отвернулся от окна, от яркого утра, и его взгляд упал на главную проблему сегодняшнего дня – журнал дежурств и лежащую поверх него папку с пометкой «Аномалия». Вчера вечером, на частоте, которую знали лишь в «Рассвете» и в нескольких дружественных поселениях, прозвучал посторонний сигнал.

Это был не голос. Это была идеальная, выверенная тишина, облеченная в форму человеческой речи. Бархатный, приятный тембр, лишенный малейшей эмоциональной вибрации, как звук идеального инструмента в безвоздушном пространстве. Он ворвался в эфир на несколько секунд, перекрыв чтение Оксаны – она как раз делилась отрывком из старого детского стихотворения о журавлях.

«Эмоции – биологический атавизм. Неисправность системы выживания. Они генерируют шум. Шум мешает ясности. Ясность – это эффективность. Эффективность – это выживание вида на новой ступени. Предлагаем освобождение от помех. Предлагаем чистоту».

Затем – тишина. Абсолютная. Ни фонового гула, ни шипа помех. Словно эфир начисто вытерли после этих слов.

Игорь нажал кнопку на рации. «Антон, ко мне».

Бывший биолог, а ныне главный техник и хранитель хрупкой техники «Рассвета», вошел через несколько минут. Его собственный ореол был тускло-серым, цвета глубокой, профессиональной усталости. Он молча положил на стол блокнот с графиками.

«Ну?» – спросил Игорь, не глядя на листы, а вглядываясь в лицо друга.

«Не с наших передатчиков, – отчеканил Антон. Его голос был сухим, как осенняя листва. – И не с тех, за кем мы следим. Сигнал прошел... особенным путем. Ты знаешь кристаллы на северном выступе, у старой сосны?»

Игорь кивнул. Там росла особенно крупная, многовершинная формация.

«В момент передачи их резонанс изменился. На доли секунды. Не поглотили сигнал, не отразили... скорее, пропустили через себя, как через линзу. Исказили? Усилили? Не знаю. Но факт – они его *почувствовали*. Как будто это был... родственный импульс, но вывернутый наизнанку».

Игорь почувствовал, как холодная тяжесть опускается в желудок. «Родственный? Улю?»

«Улей родился из нашей коллективной боли, из травмы, – Антон щелкнул карандашом по графику. – Этот сигнал... он математически симметричен нашей базовой эмоциональной волне. Где у нас пик страха – у него абсолютный провал. Где всплеск радости – ровная, мертвая линия. Это не тишина, Игорь. Это *хирургическое удаление*. Кто-то взял нашу песню и аккуратно, скальпелем, вырезал из партитуры все ноты, оставив один безупречный, безжизненный такт».

В кабинете повисло молчание. За окном доносился смех детей.

«Кто?» – тихо спросил Игорь.

«Не знаю. «Курчатовец» был подавлен, разоружен, его люди... те, кто остались, вроде бы на нашей стороне. Это что-то новое. Или очень, очень старое».

Внезапно рация на столе захрипела. Голос дежурного с восточного поста, молодого Семена, был спокоен, но в его ровном тоне уловилась стальная ниточка: «Центр, пост номер два. На периметре тихо. Заметил странное... мерцание в лесу, на опушке. Вроде как отражение, но источника нет. Проверяю».

«Держи связь, Семен», – ответил Игорь, автоматически вскидывая взгляд на карту поселения в своем интерфейсе. Ниточка Семена была ярко-голубой, чистой – парень был надежен, рвался помочь, верил в то, что они строят.

Он вышел из дома. Утро было в разгаре. Воздух пах дождем, свежевскопанной землей и дымком из пекарни, где пекли хлеб на общие нужды. Игорь шел по главной аллее, кивая знакомым, отмечая про себя: у кузнеца Никиты – плотный зеленый клубок доверия, но с впитанной алой ниткой раздражения (вероятно, опять недосып); у учительницы Алины – ровное золотистое свечение удовлетворения. Мир. Труд. Покой. И все это – хрупкое, как первый лед.

Он направлялся к восточному посту. Хотел лично взглянуть на то «мерцание». По пути его интерфейс зафиксировал странный феномен: прямо перед постом, в воздухе, висел одинокий, совершенно **белый** светящийся шар. Цвета, которого не было в его привычной палитре. Цвет отсутствия данных, пустоты, нуля.

«Семен?» – позвал Игорь, подходя.

Часовой стоял спиной, неподвижно, уставившись в щель между мощными бревнами частокола, переплетенными живыми, пульсирующими кристаллическими лозами. Он не ото-звался.

«Семен, доклад», – приказал Игорь, шагнув ближе. И тогда он увидел. На самодельном шлеме парня, сваренном из старой пожарной каски, кто-то вывел ровными, белыми буквами слово: **«ОЧИЩЕН»**.

Ледяная рука сжала сердце Игоря. «Семен, что происходит? Повернись».

Молодой человек медленно, почти плавно обернулся. Его лицо было спокойным. Слишком спокойным. Лицо человека, только что проснувшегося от долгого, безмятежного сна. Ни морщинки напряжения, ни искры осознания происходящего. Его глаза, широко открытые, смотрели на Игоря, но не видели *его*. Они отражали небо, облака, пустоту. В них не было ни страха, ни удивления, ни узнавания.

«Все в оптимальном порядке, – произнес Семен. Его голос был ровным, механическим, лишенным привычных интонаций. – Угроз на периметре не обнаружено. Эмоциональный фон стабилен. Я очищен».

Игорь отшатнулся, будто от удара. Его интерфейс, всегда мгновенно реагирующий на любое живое существо, замигал тревожным желтым. Он пытался просканировать Семена, но вместо привычного клубка цветных нитей, эмоционального портрета, на его месте зияла ровная, монохромная белизна. Как чистый лист бумаги. Как экран отключенного терминала. Пустота.

«Что с тобой сделали?» – прохрипел Игорь, хватая парня за плечи. Пальцы впились в грубую ткань куртки. Семен даже не дрогнул.

Молодое лицо растянулось в улыбку. Она была идеальной, симметричной, затрагивающей все нужные мышцы. И совершенно безжизненной. Улыбка манекена, которому вставили подходящую челюсть.

«Со мной ничего не *сделали*. Меня *освободили*. От страха. От сомнения. От боли неэффективных привязанностей. Это... оптимальное состояние. Вам тоже предложат. Скоро. Всем предложат».

И тогда, в глубине этих стеклянных, пустых глаз, Игорь увидел отражение. Но не свое. На секунду зрачки Семена стали темными окнами в иное место: стерильное белое помещение, залитое холодным светом, и неясный силуэт в герметичном костюме, склонившийся над столом, где что-то металлически блестело. Картинка мелькнула и исчезла.

Внезапно из рации на поясе Игоря, а также из всех громкоговорителей, разбросанных по «Рассвету», раздался тот самый, бархатный и бесчувственный голос. Он звучал уже не с одной частоты, а сразу со всех, наполняя собой воздух, вливаясь в уши, в сами мысли:

«Зачем нести груз, который отягощает каждый шаг? Зачем слушать шум, который заглушает голос истины? Мы приходим с миром. Мы несем чистоту. Первый шаг к освобождению – осознание бремени. Скажите себе: «Я устал бояться». И дверь откроется.»

Голос не кричал. Он настойчиво, неумолимо *констатировал*. И от этого было в тысячу раз страшнее.

Вслед за голосом по поселению прокатилась волна тишины, а затем – нарастающего гула. Крики? Нет. Сначала – всхлипы, сдавленные стоны. Потом – голоса, перебивающие друг друга. Игорь, оставив «очищенного» часового стоять с его леденящей душу улыбкой, бросился обратно, к центру. Он видел, как люди выбегали из домов, хватались за головы, за виски. На их лицах был ужас. Ужас от того, что чужой голос звучал у них *внутри*. А на лицах некоторых – уже не ужас, а зарождающееся, тупое спокойствие. Они замирали, слушая, и их черты начинали разглаживаться, глаза – терять фокус.

Он ворвался в радиостанцию. Оксана стояла у пульта, бледная как полотно, пальцы так сильно вцепились в край стола, что казалось, вот-вот хрустнут кости. На большом экране радара – реликвии прошлого, которую Матвей годами собирал и чинил – появилась одна-единственная, четкая метка. Она не мерцала, как живой объект. Она горела ровным, холодным белым светом. И приближалась. С севера. Неуклюже, как стая, а уверенно, неотвратимо, как один большой, цельный объект.

«Они не просто говорят в эфире, Игорь, – прошептала Оксана, не отрывая глаз от экрана. Ее голос дрожал. – Они *в* эфире. Они в той самой среде, которой мы дышим, которой живем. Они в наших головах. Что нам делать?»

Игорь подошел к окну. Он смотрел на свой «Рассвет» – на цветущие грядки, на играющих детей, на кристаллы Улья, которые теперь пульсировали тревожным, прерывистым алым, улавливая всеобщую панику. Он видел сложную, хрупкую паутину социальных связей, которую они так бережно плели целый год. И он видел, как в эту паутину впрыскивают кислоту бесчувствия, как на ее краях уже появляются первые нити того мертвенного, безжизненного белого цвета.

Он обернулся к жене. Его собственный интерфейс показывал бурю: алые всполохи тревоги, стальные нити решимости, темно-синие тени страха за близких. Но в центре этого хаотичного узора горело одно ровное, теплое, янтарное пятно – ядро, стержень. Ответственность.

«Мы держим строй, – сказал он, и его голос, низкий и хриплый, прозвучал тише, чем он хотел, но в нем не было дрожи. – Мы будим каждого, кто начинает засыпать этой ложной чистотой. Мы покажем нашим детям, что чувствовать – не значит быть слабым. И мы выясним, – он бросил взгляд на белую метку на радаре, неуклонно приближающуюся к ним, – кто эти новые судьи, осмелившиеся назвать нашу любовь, нашу боль, нашу память – *помехами*».

За окном радиостанции, у восточного поста, Семен-часовой все так же стоял, обратив свое безупречное, пустое лицо к лесу. На его незащищенную шею села муха. Он даже не моргнул. Он ее не чувствовал. И в этой маленькой, жуткой детали Игорь увидел лицо новой угрозы. Не ярость апокалипсиса, не клыки монстра. Холодную, безразличную, стерильную пустоту, ползущую по миру, чтобы выскоблить из него всё, что делает этот мир живым. И тихий, настойчивый голос в каждой голове, обещающий избавить от самого себя.

Глава 2: Гость из прошлого

Тишина после голоса была хуже любого шума. Она была густой, тягучей, как сироп, и в ней тонули привычные звуки «Рассвета»: смех, стук топоров, гул голосов. Поселение замерло в состоянии коллективного ступора. Люди стояли посреди улиц, огородов, мастерских, прислушиваясь не к внешнему миру, а к тому, что осталось у них внутри. Не звучит ли там еще эхо того бархатного, бесчувственного обещания?

Игорь приказал по громкой связи собрать Совет – ядро из тех, кто управлял жизнью «Рассвета»: Антон, бывший биолог; Лидия, отвечавшая за медицину и травы; суровый и молчаливый Ефим, начальник охраны; Оксана и, разумеется, Матвей. Сын вошел последним, его лицо было замкнутым маской аналитической сосредоточенности, но Игорь сквозь свой интерфейс видел бурлящий клубок под ней: стальные нити логики, сплетенные с алыми прожилками тревоги и знакомыми серыми тяжами вины. Их взгляды встретились на секунду – и отскочили, как одноименные полюса магнита.

Совет собрался в самом большом помещении «Рассвета» – бывшем амбаре, превращенном в общую столовую и место собраний. Запах хвои, земли и старого дерева смешивался теперь с запахом страха, едким и кислым.

«Очищенный» Семен был помещен в изолированную комнату в медпункте. Лидия, обследовав его, развела руками. Физически – абсолютно здоров. Рефлексы в норме. Но его мозговая активность, которую она с трудом смогла считать при помощи самодельного энцефалографа, подключенного к кристаллу Улья, напоминала ровную линию на экране во время глубокой медитации. Только без всплесков сновидений, без малейших эмоциональных всплесков. Полная нейтральность. И он все так же улыбался.

«Это не гипноз, – сказала Лидия, снимая очки и устало потирая переносицу. – Гипноз подавляет критическое мышление, но не стирает эмоциональные реакции. Здесь же... здесь словно вырезали целый пласт нейронных связей. Самый шумный, самый беспокойный. Оставили только базовые функции: дыхание, речь, движение, простейшая логика. Он как... очень сложный, очень точный автомат, имитирующий человека».

«Он сказал: «Вам тоже предложат», – напомнил Ефим. Его «нити» были тугими, как стальные тросы, готовыми к разрыву. – Значит, это оружие. Дистанционное. Пси-оружие. Они могут обработать нас всех, даже не заходя за частокол».

«Не могут, – неожиданно сказал Матвей. Все взгляды обратились к нему. Он не смотрел ни на кого, уставившись в стол, по поверхности которого ползли отраженные от кристалла на улице синие блики. – Судя по описанию Антона, сигнал нуждался в Улья как в ретрансляторе или усилителе. Он прошел через конкретный кристалл на окраине. Это не всенаправленная атака. Это точечное воздействие. Семен был на посту, ближе всего к тому кристаллу. Он и попал под максимальную мощность».

«Так они могут использовать Улей против нас?» – спросила Оксана, и в ее голосе впервые прозвучал ужас не перед внешней угрозой, а перед предательством самого мира.

«Улей не против нас, – тихо ответил Матвей. – Он... инструмент. Он отражает и усиливает. Он отразил и усилил этот сигнал, как зеркало. Потому что сигнал был... родственным по структуре, но противоположным по содержанию. Как негатив нашей фотографии».

«Значит, они знают об Улья больше нас, – заключил Игорь. Его собственный голос звучал чужим, усталым. – И используют его архитектуру. Белая метка на радаре?»

Антон мрачно кивнул. «Двигается медленно, но прямо на нас. Скорость пешего хода. Через три-четыре часа будет у ворот. Одна метка. Один объект».

Решение пришлось принимать в смятении. Ефим настаивал на боевой тревоге, на подготовке к атаке. Лидия предлагала эвакуировать вглубь леса тех, кто наиболее уязвим – детей,

стариков. Антон хотел попытаться «настроить» кристаллы Улья на блокировку подобных сигналов, но признавал, что это займет дни, если не недели.

«Мы встретим его, – сказал Игорь, перекрывая спор. – Не отрядом. Не с оружием наготове. Меня, Оксану, Матвея. И Ефима с двумя людьми – на расстоянии, скрытно. Мы слушаем, что он скажет. Если это посол... то с послами не воюют, пока они не показали клыки. А если покажет...»

Он не договорил. Все и так поняли.

Белый объект появился точно в расчётное время. Со стороны леса, откуда когда-то пришли первые рейдеры Глеба. Его не было видно среди деревьев, но все, кто обладал хотя бы остатками эмпатических способностей, усиленных Ульем, чувствовали его приближение. Это было похоже на наступление тишины в звучащем мире. Пение птиц не умолкало, но будто становилось приглушенным, далеким. Шум ветра в листьях терял свои оттенки. Эмоциональный фон поселения, и без того накаленный, начал странно выравниваться, будто тяжелый ролик проходил по бархату чувств, приминая ворс, делая его плоским и безликим.

И когда он вышел из-за деревьев, стало ясно, почему радар видел его как единый, плотный объект.

Это был человек в доспехах. Но таких доспехов Игорь не видел даже в самых безумных фильмах докруиновой эпохи. Они не сверкали, не отбрасывали бликов. Они были матово-черными, поглощающими свет. Солнечный лучи, падающие на фигуру, не отражались, а словно проваливались внутрь этой черноты, не делая ее светлее. Доспех был монолитным, обтекаемым, лишенным заклепок, ремней, видимых сочленений. Он выглядел как вторая кожа, выкованная из самой абсолютной тьмы. На спине – плоский, прямоугольный блок, возможно, ранец энергопитания или коммуникатор. Шлем – такой же гладкий, с затемненным забралом, за которым не было видно ни намека на лицо.

Он шел ровно, не спеша, не оглядываясь. Его походка была машинально эффективной, без лишних движений. Он не был похож на солдата на патруле. Он был похож на сканирующий зонд, на исполнительный механизм, прибывший по заданным координатам.

Ефим, спрятавшийся со стрелками на крыше сторожевой вышки, прошептал в рацию: «Разрешешь стрелять? Он как ходячая черная дыра. Жутко».

«Жди», – сквозь зубы ответил Игорь.

Он стоял у открытых ворот «Рассвета» вместе с Оксаной и Матвеем. За ними, в десяти метрах, сгрудились другие жители, замершие в немом ожидании. Кристаллы Улья, вплетенные в частокол, вокруг ворот, начали издавать тихий, незнакомый звук – не гул и не пение, а скорее скрежет, похожий на трение кварцевых пластин. Они тускло светились, будто пытались противостоять поглощающей тьме, надвигающейся на них.

Человек-тень остановился в пяти шагах от Игоря. Он был высоким, под два метра, и его безмолвная, поглощающая свет фигура давила не физически, а психологически. Казалось, вокруг него образуется зона эмоционального вакуума.

Забрало с легким шипением разделилось пополам и отъехало вверх-вниз, скрывшись в корпусе шлема. Под ним открылось лицо. Лицо мужчины лет пятидесяти, с жесткими, высеченными из гранита чертами, коротко стриженными седыми волосами и холодными, серостальными глазами. В этих глазах не было ни угрозы, ни любопытства, ни презрения. Была только чистая, безличная оценка. Как инженер смотрит на незнакомый механизм.

«Игорь Громов, – произнес он. Голос был ровным, низким, идеально модулированным, лишенным каких-либо акцентов или эмоциональных окрасок. Голос-отчет. – Номинальный руководитель аномального поселения «Рассвет», он же «Республика Семьи». Первый идентифицированный Носитель «Родственного Кода» уровня «Альфа». Предполагаемый катализатор неконтролируемой эмоциональной реверберации в локальном секторе Улья».

Он говорил не как с человеком, а как с объектом, занесенным в каталог.

«А ты кто?» – спросил Игорь, заставляя свой голос звучать тверже, чем он был.

«Полковник Тарасов. Представитель объекта «Курчатовец-2». Командир проекта «Санация». – Он сделал микропаузу, его взгляд скользнул по Оксане, Матвею, по кристаллам на воротах. – Мы наблюдаем за вами с момента вашего Пробуждения. Ваш прогресс... интересен. И тупиков.»

«Санация? – переспросила Оксана. – Очистка? От чего?»

Тарасов повернул к ней голову ровно на необходимый градус. «От неоптимальных процессов. Вы называете их «эмоциями». Страх, гнев, тоска, неуместная эйфория. Они являются причиной 94.7% нерациональных решений, 89.3% внутригрупповых конфликтов и 99.1% психосоматических страданий в вашем сообществе. Они – шум, мешающий четкой работе системы «Человечество». Мы предлагаем решение.»

«Решение в виде того, что вы сделали с моим часовым?» – в голосе Игоря зазвенела сталь.

«С объектом «Семен И.», – поправил Тарасов, – была проведена процедура предварительной оптимизации. Демонстрационная. Его коэффициент полезного действия уже возрос на 30%. Он более не тратит ресурсы на беспокойство, ностальгию, неуверенность в себе. Он эффективен.»

«Он пуст!» – выкрикнул Матвей, и его обычно спокойный голос дрогнул от подавленной ярости.

Тарасов впервые посмотрел на него с чуть более пристальным вниманием. «Матвей Громов. Носитель «Родственного Кода» уровня «Бета». Склонен к гиперрациональности с элементами саморазрушительной вины. Ваш анализ ошибочен. Он не «пуст». Он освобожден от балласта. Представьте, что вы чистите жесткий диск от вирусов и ненужных файлов. Производительность возрастает. Ваш «Семен» теперь – чистый, эффективный носитель. Он может выполнять свои функции без сбоев, вызванных «чувствами».»

В воздухе повисло тяжелое молчание. Игорь чувствовал, как за его спиной нарастает волна ужаса и гнева. Его интерфейс бушевал алыми и черными всполохами.

«Вы пришли, чтобы «очистить» всех нас?» – спросил он тихо.

«Мы пришли предложить выбор, – ответил Тарасов. Его тон не изменился. – Ваше сообщество представляет уникальный случай: симбиоз с аномалией «Улей», усиливающей эмоциональные поля. Это делает вас одновременно и угрозой, и ценным материалом для изучения. Мы предлагаем договор. Вы добровольно передаете нам для изучения ключевых носителей, в частности, аномалию «Милана Громова», чей резонанс с Улем максимален. Взамен мы предоставляем остальным членам вашего поселения процедуру оптимизации и защиту. Ваше выживание как вида будет гарантировано. Без боли. Без страха. Без хаотичных, разрушительных чувств.»

Слово «Материал». Слово «Аномалия», примененное к его дочери. Слово «Передать». Они прозвучали в тишине, как три выстрела. Оксана ахнула, сжав кулаки. Матвей побледнел. Игорь почувствовал, как что-то древнее и раскаленное поднимается из глубин его существа, затмевая все доводы разума.

«Вы просите нас отдать нашего ребенка, – сказал он, и каждый слог был тяжелым, как свинцовая плита. – В обмен на превращение в таких же бездушных автоматов, как ваш «объект Семен». Это не выбор, полковник. Это ультиматум.»

Тарасов слегка наклонил голову, словно анализируя незнакомый звук. «Ваша реакция иррациональна и предсказуема. Она продиктована привязанностью – одним из самых деструктивных «вирусов». Вы готовы обречь всё свое сообщество на страдания, конфликты и неминуемую гибель из-за неоптимальной биологической связи с одним экземпляром. Это не эффективно.»

«Это по-человечески, – бросила Оксана, и в ее глазах стояли слезы не страха, а ярости.*

«Человечность – это диагноз, который мы лечим, – без тени сомнения ответил Тарасов. Он сделал шаг вперед, и его черные доспехи, казалось, вобрали в себя еще больше света вокруг. – Позвольте продемонстрировать.»

Он повернулся к воротам и протянул руку в черной перчатке к одному из кристаллов Улья, вплетенному в дерево. Кристалл, который секунду назад тускло светился и скрежетал, при приближении руки замер, а затем его синее свечение начало меркнуть. Не гаснуть, а словно высасываться, поглощаться чернотой перчатки. По поверхности кристалла поползли темные, как паутина, трещины. Через несколько секунд некогда живой, вибрирующий камень почернел, потускнел и рассыпался в мелкую, безжизненную пыль, осыпавшуюся к ногам Тарасова.

Легкий, коллективный стон прошел по толпе за спиной Игоря. Улей почувствовал боль. Игорь почувствовал ее через интерфейс – резкий, колющий удар по общей нервной системе поселения.

Тарасов разжал пальцы, стряхнул с них пыль. Его лицо оставалось бесстрастным. «Видите? Он уязвим. Он питается вашим шумом. Лишите его питания – и он рассыплется. Либо вы принимаете нашу помощь и становитесь частью новой, эффективной системы. Либо мы будем вынуждены провести санацию принудительно. Вам, как носителям, будет предоставлен статус объектов изучения. Остальные... будут оптимизированы.»

Он снова посмотрел на Игоря. В его стальных глазах не было злобы. Только холодная, неумолимая логика миссии. «У вас есть двадцать четыре часа на принятие решения. Рационального решения. Не поддавайтесь «чувствам». Они вас погубят. Я буду ждать здесь.»

С этими словами Тарасов развернулся и тем же размеренным, эффективным шагом отошел на двадцать метров от ворот, к опушке леса. Он встал, выпрямившись, руки по швам, и замер, превратившись в статую из поглощающей свет материи. Часовой. Судья. Палач.

Ворота «Рассвета» захлопнулись с глухим стуком. Но все понимали – эта деревянная преграда ничего не значит против того, что представляет собой черная фигура у леса.

Игорь обернулся к своей семье и к людям, в чьих глазах он видел теперь не только страх, но и зарождающийся, страшный вопрос. А что, если он прав? Что, если это и есть единственный путь к выживанию? Без боли. Без страха.

Он встретился взглядом с Матвеем. В глазах сына, поверх холодного анализа, бушевала та же ярость, что и в нем. Но в глубине – та самая, знакомая трещина сомнения. Матвей-логик уже просчитывал вероятности. И некоторые из них, Игорь знал, выглядели в пользу предложения Тарасова.

«Совещание через час, – хрипло сказал Игорь, обращаясь ко всем. – Каждый может высказаться. А сейчас... сейчас идите к своим семьям. Держите их близко. И помните – они называют нашу любовь к детям «вирусом». Они называют нашу память «шумом». Прежде чем решать, что эффективно... решите, что для вас важно. Что делает вас вами.»

Он повернулся и пошел к дому, чувствуя на спине тяжелый, неотступный взгляд каменных глаз полковника Тарасова и ледяную пустоту, исходящую от той черной, безмолвной фигуры у опушки, которая ждала, когда человечество сделает «рациональный выбор» и перестанет, наконец, быть человечеством.

Глава 3: Первая потеря

Переговоры с Тарасовым ни к чему не привели. Его позиция была непоколебима, как базальтовая скала, и столь же безжизненна. Он стоял у опушки, недвижимый, превратившись в часть пейзажа – зловещую, поглощающую свет статую. Раз в час он механически повторял свое предложение через усилитель, встроенный в доспехи, голосом, лишенным даже намека на убедительность. Это была не попытка договориться, а озвучивание условий капитуляции.

Внутри «Рассвета» бушевали споры. Совет раскололся, отражая раскол всего поселения. Ефим и его сторонники, в основном те, кто помнил ужасы первых битв, кричали о необходимости немедленного удара. «Он один! – горячился Ефим, ударяя кулаком по столу в амбаре-столовой. – Мы возьмем его в клещи, снимем со скрытых позиций. Эти доспехи не вечны, у них должна быть уязвимость!» Антон, технарь, мрачно качал головой. «Мы не знаем, на что он способен. Он одним прикосновением уничтожил кристалл. Что он сделает с живой плотью? И он не один. Он сказал – «Курчатовец-2». Значит, есть целая база. Убив его, мы спровоцируем полномасштабное нападение.» Лидия, врач, говорила о детях, о стариках, о невозможности эвакуации под прицелом неведомого оружия. Ее «нити» в интерфейсе Игоря были измотаны до прозрачности, цвета безысходной усталости. Матвей молчал, уставившись в свои расчёты, набрасываемые углем на грубую доску. Его логические построения были безупречны и приводили к двум выводам: прямое столкновение с высокой вероятностью ведет к уничтожению «Рассвета»; принятие условий ведет к его ликвидации как уникального социума. Тупик.

Игорь слушал все это, ощущая тяжесть ответственности, давящую на плечи как настоящая физическая гиря. Его взгляд искал поддержки у Оксаны, но она сидела, обхватив себя руками, глядя в одну точку. Ее мысли были там, в маленькой комнате в их доме, где спала Милана. «Аномалия». «Ключевой носитель». Эти слова висели в воздухе ледяными сосульками.

Решение, которое принял Игорь, никого не удовлетворило, но было единственно возможным в тот момент: готовиться к обороне и ждать. Ждать, исчерпает ли Тарасов свое терпение, появятся ли другие его люди, случится ли чудо. Были усилены дозоры на частоте, но не в сторону черной фигуры, а на все 360 градусов. Детей велели не выпускать из центра поселка. Кристаллы Улья, особенно те, что были на периметре, Антон и его помощники пытались «настроить» на иную резонансную частоту, создать некий барьер, но их попытки были похожи на действия слепого, пытающегося починить сложный механизм.

Ночь опустилась на «Рассвет», черную, беспросветную, лишенную даже звезд – тяжелые тучи нависли над лесом. Тишина стала еще глубже, еще вязче. Даже привычный ночной гул Улья, похожий на дыхание спящего гиганта, казался приглушенным, будто гигант затаился. Люди разошлись по домам, но никто не спал. В окнах тускло светились самодельные светильники, и в их мерцающем свете виднелись силуэты людей, сидящих рядом, прижавшихся друг к другу в немой тревоге.

В доме Громовых тоже не спали. Оксана сидела на краю кровати Миланы, гладила дочь по волосам. Девочка, хоть и обладала невероятной чувствительностью, сейчас спала тяжелым, неестественным сном – защитная реакция психики на внешний прессинг. Матвей скрипел углем по доске в главной комнате, выводя все новые и новые уравнения вероятностей. Игорь стоял у окна, глядя в сторону ворот, за которыми, он знал, стоял тот, кто пришел забрать у них будущее.

Первый крик разорвал ночную мглу около двух часов ночи.

Это был не крик ужаса, а пронзительный, надрывный зов матери: «Ваня! Ванечка! Где ты?!» Игорь выскочил на улицу, хватая по пути топор, прислоненный к косяку. Улица уже наполнялась людьми с факелами, испуганными, недоумевающими. К нему бежала Мария,

соседка, лицо ее было искажено паникой. «Игорь! Ваня... и маленькая Лиза... они исчезли! Мы заглянули в их комнату – кровати пустые! Окно открыто!» Ледяная рука сжала его внутренности. Дети. Двое детей. Сын Марии, Ваня, восьми лет, и ее племянница Лиза, шести. Ефим уже мобилизовал своих людей. Быстро выяснилось: частокол цел, ворота заперты изнутри, на глинистой земле у домов не было видно чужих следов. Охранники на вышках клялись, что ничего не видели и не слышали. Это было невозможно. Но это случилось.

Поисковые группы с факелами и фонарями прочесывали поселение, заглядывая в каждый угол, каждый сарай. Отчаяние Марии перерастало в истерику. Игорь, пытаясь сохранять хладнокровие, чувствовал, как почва уходит у него из-под ног. Тарасов стоял снаружи. Значит, у «Курчатовца» есть другие способы проникновения. Невидимые. Бесшумные.

Именно Милана, разбуженная шумом и всеобщей волной паники, нашла их. Она вышла на улицу, бледная, в одной ночнушке, и, не говоря ни слова, потянула Игоря за руку. Она вела его, а за ними – толпу с факелами – к западной стене частокола, туда, где кристаллы Улья росли особенно густо, образуя почти сплошную, мерцающую синим светом стену. В одном месте, у самого основания, где корни кристаллов уходили в землю, было небольшое углубление, похожее на нишу, всегда прикрытое завесой слабого, переливающегося свечения. Сейчас свечение было ровным и тусклым.

Милана, не отпуская руку отца, другой рукой коснулась поверхности кристаллов. Они мягко расступились, как занавес, открывая то, что было внутри ниши.

Двое детей лежали там на подушке из мягкого, похожего на мох, сияющего вещества, которое генерировали кристаллы. Ваня и Лиза. Они были живы, их груди ровно поднимались в такт глубокому, спокойному сну. Их лица были безмятежны, даже блаженны. На лбу у каждого, точно в точке третьего глаза, сияла маленькая, идеально круглая кристаллическая точка, размером с горошину. Она пульсировала мягким, холодным белым светом – тем самым белым цветом пустоты, что Игорь видел у Семена и в метке на радаре.

Крик Марии оборвался. Она бросилась к детям, пытаясь растормошить Ваню. «Ваня! Проснись, родной! Мама тут!» Но мальчик не просыпался. Его веки даже не дрогнули. Попытки разбудить Лизу тоже ни к чему не привели. Они спали сном, не поддающимся внешнему воздействию. Лидия, протиснувшись вперед, осторожно осмотрела их. Пульс ровный, дыхание глубокое, температура слегка пониженная. Но разбудить их было невозможно. А когда она попыталась прикоснуться к кристаллической точке на лбу Вани, ее отбросила слабая, но ощутимая сила статического отталкивания. «Нельзя, – прошептала Милана, все еще держа Игоря за руку. Ее глаза были полны слез, но не страха, а острого, пронзительного сострадания. – Их не тут. Их... там.»

«Где, дочка? Где они?» – тихо спросил Игорь, опускаясь перед ней на колени. Милана закрыла глаза, и по ее щекам потекли слезы. «Я... я могу попробовать посмотреть. Через точку. Она как... как окно.» «Нет, – сразу сказал Игорь, но Оксана, подошедшая и обнявшая дочь сзади, тихо произнесла: «Нам нужно знать, Игорь. Мы должны понять, что с ними.» Игорь сжал зубы, чувствуя себя предателем, но кивнул.

Милана глубоко вздохнула, успокоила дрожь в руках и очень осторожно, кончиком указательного пальца, коснулась кристаллической точки на лбу маленькой Лизы.

Она вскрикнула – коротко, болезненно – и замерла. Ее глаза закатились, оставив видны только белки. Тело напряглось. Игорь и Оксана схватили ее, чтобы она не упала. Через несколько секунд Милана обмякла, глаза вернулись на место, но взгляд был отсутствующим, далеким. «Она... она в городе, – прошептала Милана, и ее голос звучал эхом, будто доносился из глубокого колодца. – Белый город. Все белое и... тихое. Там нет ветра. Нет солнца, но светло. Дома все одинаковые, ровные. Лиза бежит по улице. Она... смеется. Но смех беззвучный. Она ищет кого-то. Маму? Но она не помнит, как выглядит мама. Она не помнит страха. Она не помнит, что упала и разбила коленку. Она просто... бежит. И ей хорошо. Ей спокойно. Так

спокойно, как... как будто ее никогда и не рождали. Там нет боли. Там нет ничего. Только белый свет и тишина. И она счастлива. По-кукольному счастлива.»

Слова Миланы повисли в ледяном ночном воздухе. Люди вокруг молчали, и в их молчании был ужас, более глубокий, чем перед лицом любого монстра. «Архив, – хрипло произнес Антон, протискиваясь вперед. Его лицо было пепельным в свете факелов. – Они не убивают. Они... архивируют. Сохраняют сознание в идеальном, стерильном состоянии. Убирают всё лишнее. Всё, что делает человека человеком. Боль, память, привязанности... «Чистые носители». Вот что они делают.»

Мария, мать Вани, смотрела на сына, лежащего в кристаллической нише с блаженной улыбкой на лице. И ее собственное лицо, искаженное горем, начало медленно менять выражение. От ужаса – к недоумению, от недоумения – к странному, пугающему спокойствию. Она перестала плакать. «Он... он счастлив? – тихо спросила она, глядя на Милану. – Ему там не больно? Он не боится?» «Нет, – выдохнула Милана. – Там нечему болеть. И нечего бояться.» Мария кивнула, как будто получила важное известие. Она больше не пыталась разбудить Ваню. Она просто села рядом с нишей, поджав ноги, и уставилась на него, на его безупречно спокойное лицо. В ее глазах что-то угасло.

Игорь понял. Это и есть самое страшное оружие «Курчатовца». Не насилие. Не угрозы. Они предлагают избавление от страданий. И в мире, полном боли и страха, после всего, что они пережили, это предложение может оказаться слишком соблазнительным. Особенно для тех, чьи раны еще свежи.

Люди стали расходиться, потрясенные, раздавленные. Детей осторожно перенесли в медпункт, уложили рядом со Сменом. Теперь их было трое «очищенных». Три тихих, безмятежных лица, три пульсирующих белых точки на лбу.

Игорь с семьей вернулся к себе. В доме пахло страхом и безысходностью. Оксана, не говоря ни слова, подошла к старому, заветному сундуку, где хранила самые дорогие вещи: несколько уцелевших фотографий, обручальное кольцо, детские рисунки. И свой дневник. Тот самый, который она вела с первых дней Пробуждения, куда выплескивала весь свой страх, отчаяние, но и моменты надежды, крошечные победы. Это была летопись их боли и их выживания.

Она открыла потрепанную тетрадь в клеенчатой обложке, стала перелистывать страницы, ища запись, сделанную в самую черную ночь, после гибели Лизы-биолога, когда она, Оксана, писала о своем страхе потерять Милану, о том, как этот страх сжигал ее изнутри, лишая сна и покоя. Она помнила каждое слово, каждую слезинку, упавшую на бумагу.

Страница была пуста.

Чистый, чуть пожелтевший лист. Ни чернил, ни следов от слез. Оксана замерла, потом начала листать дальше, быстрее, панически. Страница за страницей. Записи о тяжелых спорах с Игорем – стерты. Описание ночных кошмаров Матвея – пусто. Ее собственные признания в слабости, в том, что она хочет все бросить и убежать – исчезли. Исчезли не вырванные страницы, а именно слова, будто их никогда и не было. Остались лишь нейтральные заметки о быте: «собрали хороший урожай картофеля», «починили крышу», «Матвей сделал новую полку».

Она опустила на пол, прижимая тетрадь к груди. Слез не было. Был холодный, тошнотворный ужас полного опустошения. «Они... они могут стирать не только будущее, – прошептала она, глядя на Игоря широко раскрытыми, сухими глазами. – Они стирают прошлое. Они забирают у нас нашу боль. А без нашей боли... кто мы? Что нам остаётся? Пустые оболочки, как Семен? Как... как мои записи?»

Она протянула ему дневник. Игорь взял его, увидел чистые страницы там, где должны были быть свидетельства их борьбы, их слабостей, их человечности. И понял, что Тарасов был прав в одном: они ведут войну не за территорию и не за ресурсы. Они ведут войну за память.

За право быть теми, кем они стали – израненными, но живыми. И враг атаковал не снаружи. Он атаковал изнутри, крадя сначала чувства, потом детей, а теперь – само их прошлое.

За окном, в предрассветной мгле, черная фигура у опушки по-прежнему стояла недвижимо, ожидая, когда стены их сопротивления рухнут под тяжестью предложенного покоя. А в медпункте лежали трое спящих, унесенных в белый, безболезненный рай, и пустые страницы дневника шелестели в дрожащих руках Оксаны, как призраки забытых слов.

Глава 4: Решение и раскол

Рассвет, наступивший после той кошмарной ночи, не принес облегчения. Он был серым, сырым и безучастным. Тяжелые тучи, словно ватные одеяла, закутали небо, превращая утро в затянувшиеся сумерки. Воздух, обычно наполненный ароматами земли и трав, теперь был пустым и безвкусным, будто сама природа затаила дыхание в ожидании исхода.

В медпункте, в специально отгороженном углу, лежали теперь уже пять тел. К Ване, Лизе и Семену добавились еще двое подростков, пятнадцатилетние близнецы Артем и Кирилл. Их нашли на рассвете в той же кристаллической нише, в том же состоянии глубокого, неземного покоя, с теми же пульсирующими белыми точками на лбу. Они ушли из собственного дома, прошли мимо двух постов, не замеченные никем, и уложили себя в холодные объятия «белого города». Добровольно? Под воздействием того самого голоса? Никто не знал. Их родители, сломленные и безутешные, сидели на полу рядом, не в силах ни плакать, ни говорить. Их горе было слишком огромным, чтобы изливаться наружу; оно окаменело внутри, превратившись в тяжкий, невыносимый груз.

Весть о пропавших детях и о пустом дневнике Оксаны разнеслась по «Рассвету» со скоростью лесного пожара. Страх, который раньше был абстрактной угрозой где-то за стенами, теперь поселился в каждом доме, заглянул в каждое окно. Он материализовался в виде пустых кроваток, в виде белых страниц, в виде ледяного спокойствия на лицах «очищенных». Люди сбивались в кучки, говорили шепотом, бросали украдкой взгляды на дом Громовых. Взгляды эти были разными: в одних – ожидание, надежда, что Игорь что-то придумает; в других – уже читался немой вопрос: «А что, если они правы? Что, если это единственный способ спасти наших детей от страданий?»

Совет собрался в полном составе в амбаре-столовой еще до полудня. Атмосфера была наэлектризована до предела. Запах страха, пота и смутения витал в воздухе, смешиваясь с запахом остывшей каши из общего котла.

Ефим, его лицо покраснело от бессильной ярости, говорил первым, выкрикивая слова, словно рубил топором: «Всё! Терпение лопнуло! Они крадут наших детей! Прямо из-под носа! Они стирают нашу память! Что дальше? Они войдут и уложат нас всех спать этими своими кристалликами? Мы должны атаковать! Пока он там один! Мы возьмем его, заставим говорить, узнаем, как вернуть детей!» Его «нити» в интерфейсе Игоря пылали ядовито-красным, переплетаясь с черными прожилками ненависти. «Атаковать как? – спросила Лидия. Ее голос был тихим, но слышным во всей комнате. Ее собственная аура была цвета выгоревшего пепла – цвет профессионального отчаяния. – Он уничтожает кристаллы прикосновением. У нас нет оружия, способного пробить эти доспехи. А если это ловушка? Если он ждет, чтобы мы вышли за ворота?» «Значит, надо выманить! – парировал Ефим. – Устроить диверсию!» «И потерять еще больше людей? – в разговор вступил Антон. Он сидел, ссутулившись, рисуя что-то на столе ногтем. Его «нити» были туго натянутыми серыми струнами интеллектуального напряжения. – Мы до сих пор не понимаем принципа их воздействия. Это не физическое насилие. Это... пси-воздействие. Они работают с сознанием, с памятью, с эмоциями. Как вы будете воевать с тем, чего не видите и не понимаете?» «Так что, по-твоему, сидеть сложа руки и ждать, пока они заберут всех?» – взревел Ефим.

В этот момент заговорил Матвей. Он все утро провел за своими расчетами, и теперь его доска была испещрена столбцами цифр, графиками и стрелками. Он встал, и его молодое, обычно замкнутое лицо выражало холодную, почти машинную сосредоточенность. «Ефим прав в одном: ждать – значит проиграть. Но атаковать в лоб – самоубийство. Вероятность успешного захвата или уничтожения объекта «Тарасов» при наших ресурсах не превышает 7.3%. Вероятность ответного карательного удара по поселению в случае нашей атаки – 98.9%.»

В комнате повисла тягостная тишина. Цифры, озвученные спокойным голосом Матвея, звучали как приговор. «Что же ты предлагаешь?» – хрипло спросил Игорь. Он смотрел на сына, и в груди скребло неприятное, холодное чувство. Матвей избегал его взгляда. «Я предлагаю рассматривать предложение Тарасова как основу для переговоров, – сказал Матвей, и его слова упали в тишину, как камни в воду. – Не капитуляцию. Переговоры. Он говорит на языке эффективности, логики, выживания вида. Значит, на этом языке с ним и нужно говорить.» «Он говорит на языке, где наша дочь – «аномалия», а наша любовь к ней – «вирус»!» – воскликнула Оксана, впервые за все утро подняв голову. Ее глаза горели. «Именно потому, что он так говорит, мы можем найти с ним общий язык! – Матвей повысил голос, в его тоне впервые прозвучали эмоции – отчаяние и раздражение. – Он не монстр! Он солдат, выполняющий миссию! Миссия, по его мнению, – спасти человечество. Мы можем доказать ему, что его метод ошибочен! Что мы, со всеми нашими «неоптимальными» чувствами, – более жизнеспособная система!» «Как? Отдав ему Милану для «изучения»?» – Игорь встал, и его тень на стене амбара стала огромной и угрожающей. «Нет! – резко ответил Матвей. – Создал контр-доказательство. Если их технология основана на подавлении эмоций, то наше оружие – эмоции. Но не как хаотичный шум, а как... как управляемая сила. Мы должны показать им, что наша «неэффективность» – это эволюционное преимущество. Что именно способность чувствовать боль, страх, любовь позволяет нам находить нестандартные решения, которые их холодная логика просчитать не может.» «Это красивые слова, мальчик, – мрачно проворчал Ефим. – Но как это сделать на практике? Спеть им хором?» «Почему нет?» – раздался новый голос.

Все обернулись. В дверях амбара стояла Милана. Она была бледна, под глазами лежали синие тени, но держалась прямо. Ее тоненькая фигурка в простом платье казалась хрупкой, но в ее глазах светилась решимость, не по-детски взрослая. «Мама показала мне пустые страницы, – тихо сказала она, входя внутрь. – И я подумала... они стирают боль. Потому что считают ее лишней. Но без боли нет и памяти о том, что было дорого. А если... если мы покажем им не боль, а то, что рождается из нее? Что остается, когда боль проходит?» «Что?» – не понимая, спросил Антон. «Песню, – просто сказала Милана. – Историю. Шутку. Воспоминание, которое греет, а не жжет. Они входят в наш эфир? Значит, мы можем войти в их. Не с тишиной. С музыкой. С нашей музыкой.» Идея повисла в воздухе, странная, почти безумная. Но в ней было что-то, что заставило всех на секунду задуматься. «Это... поэтично, – сказала Лидия. – Но едва ли эффективно против технологии, способной стирать память.» «А что, если попробовать? – неожиданно поддержал Матвей. В его глазах вспыхнул огонек азарта исследователя. – Мы знаем, что их сигнал использует Улей как резонатор. Значит, через Улей можно передавать и наш сигнал. Не для атаки. Для... демонстрации. Показать им срез нашей жизни. Не только боль. Радость. Глупость. Нежность. Всю эту «неоптимальную» сложность.» «Это безумие, – покачал головой Ефим. – Пока мы будем им что-то «демонстрировать», они украдут еще десяток детей.» «А что, если часть людей уже готова их отдать?» – раздался новый, хриплый голос из толпы, собравшейся у входа в амбар.

Все замерли. Вперед вышел Николай, отец одного из пропавших близнецов, Кирилла. Его лицо было опухшим от бессонницы, глаза ввалились. В его «нитях» Игорь видел смертельную усталость и ту самую, страшную пустоту, которая начиналась с безразличия. «Я слушал вас весь день, – сказал Николай, и его голос был плоским, как доска. – Споры, планы, красивые слова об эмоциях и памяти. А мой сын лежит там с дырой в голове и улыбается во сне. И ему, наверное, лучше, чем когда-либо было со мной. Я ведь вечно был на работе, вечно уставший, вечно кричал на него за двойки... А сейчас ему нет боли. Нет страха перед завтрашним днем. Нет разочарования во мне. Может... может они и правы? Может, это и есть милосердие? Освобождение?» Его слова, сказанные без пафоса, без истерики, прозвучали страшнее любого обвинения. Они упали в самое сердце каждого родителя в комнате. Многие опустили глаза. «Коля... – начала Оксана, но он перебил ее. «Нет, Оксана. Вы все тут говорите о выборе. Но

какой выбор у меня? Сражаться за право моего сына мучиться? За право помнить, какой я был плохой отец? Или... отпустить его в тот белый город, где ему спокойно? И может, самому пойти за ним? Чтобы наконец-то отдохнуть от всего этого?» В амбаре воцарилась гробовая тишина. Идея, которая еще вчера казалась немыслимой, сегодня, под давлением страха и горя, обрела ужасающую логику.

Игорь почувствовал, как почва окончательно уходит из-под ног. Враг атаковал не стены, а саму волю к сопротивлению. Он предлагал не смерть, а забвение. И для измученных душ это могло показаться благом. «Николай, мы понимаем твою боль...» – начал Игорь. «Вы ничего не понимаете! – вдруг крикнул Николай, и в его глазах блеснули слезы ярости. – Вы со своей идеальной семьей, со своими дарами! Ваша дочь – «ключевой носитель»! Вас, может, и изучать будут! А наших детей? Их просто... очистят. Как Семена. Или отправят в тот архив. И что мы можем сделать? Ничего! Так, может, не надо делать вид, что можем? Может, надо договориться? Выдать то, что они просят...» – его взгляд скользнул по Милане, и он не договорил, но все и так поняли.

Взрыв возмущения. Ефим рванулся к Николаю, его люди еле удержали. Крики: «Предатель!», «Сумасшедший!». Но Игорь, сквозь гвалт, видел не только осуждение на лицах других. Видел понимание. Видел отчаяние, готовое превратиться в согласие. Раскол, которого он боялся больше всего, уже проходил по живому телу «Рассвета».

«Все тихо!» – заревел он, и его командирский голос, отточенный в первых битвах, на секунду заглушил гамм. Все замерли. «Никто никого не выдает, – сказал Игорь, глядя прямо на Николая, а потом обводя взглядом всех. – Это не обсуждается. Мы либо выживаем все вместе, либо...» Он запнулся, не находя нужных слов. «Либо погибаем все вместе, – закончил за него Матвей. Его голос снова стал холодным и аналитичным. – Вероятность такого исхода при продолжении текущей стратегии – 82%. Растет с каждым часом.» «Значит, нужна новая стратегия, – сказал Игорь. Он почувствовал, как в нем зреет решение. Безумное, отчаянное, но единственно возможное, чтобы сплотить этих людей и найти слабость в броне Тарасова. – Матвей прав. Мы не можем победить их логикой. Их логика безупречна и ведет к нашему уничтожению или превращению в манекенов. Но мы можем атаковать там, где у них нет защиты. В сфере того, чего они не понимают и презирают.» «В сфере иррационального?» – уточнил Антон. «В сфере человеческого, – поправил Игорь. – Мы объявляем не войну. Мы объявляем... представление. Мы покажем им нашу жизнь. Всю. Со всеми ее «глюками», «шумами» и «неэффективностями». Мы завалим их этим «мусором». Возможно, их системы дадут сбой. Возможно, они просто не поймут и отступят. А возможно...» – он посмотрел на Милану, – «возможно, в ком-то из них, как в Тарасове когда-то, еще тлеет искра. И наш «шум» раздует ее в пламя.»

План, который начал формироваться в его голове, был сумасшедшим. Использовать радио «Рассвет» не для призывов о помощи, а для непрерывной трансляции... жизни. Не подготовленных речей, а живых звуков: смеха за столом, споров при планировании посева, плача ребенка, шепота влюбленных у костра, воспоминаний стариков, музыки, если кто-то еще помнил, как играть. Использовать кристаллы Улья не как щит, а как гигантский усилитель и проектор, пытаясь передать не информацию, а эмоциональные паттерны, образы, чувства. Создать такой плотный, такой хаотичный, такой живой поток «человеческого», чтобы холодная логика «Курчатовца» захлебнулась в нем.

«Это... гениально или безумно, – сказал Антон, потирая лоб. – Технически... если перенастроить резонанс кристаллов с оборонительного на трансляционный... и синхронизировать с передатчиком... Теоретически...» «У нас нет времени на теорию! – сказал Игорь. – Делай. Привлекай всех, кто может помочь. Оксана, ты – главный по контенту. Собирай людей, объясняй. Пусть говорят, поют, вспоминают. Без цензуры. Со всем своим страхом, своей злостью, своей глупостью. Матвей, тебе – координация и защита. Нужно прикрывать Антона, пока он работает с кристаллами. Ефим – периметр. Никто не входит и не выходит без моего приказа.

Особенно...» – он снова посмотрел в сторону, где сидел Николай и другие растерянные, отчаявшиеся люди, – «особенно те, кто хочет «договориться»». «А что с ним?» – Ефим кивнул на Николая. «Он остается с нами. Под присмотром. Его боль – часть нашей правды. И он ее расскажет, если захочет.»

Совещание закончилось. Люди разошлись, унося с собой смесь надежды и нового страха. План Игоря был подобен прыжку в пропасть с криком – либо ты разобьешься, либо твой крик эхом отгонит чудовищ.

Игорь остался в амбаре с Матвеем. Сын собирал свои доски с расчетами. «Ты веришь, что это сработает?» – спросил Игорь, не глядя на него. Матвей замер. «Вероятность успеха, по самым оптимистичным расчетам, не превышает 18.5%. Но вероятность выживания при бездействии – 0%. Это единственный нелинейный сценарий. Единственный, который их логика, возможно, не просчитала.» «Ты сказал «их логика». А твоя?» Матвей наконец поднял на отца взгляд. В его глазах была усталость и та самая, знакомая трещина. «Моя логика говорит, что мы обречены. Что рационально – попытаться спасти хоть кого-то, вступив в переговоры на их условиях. Но...» Он замолчал. «Но?» «Но когда я слышу, как Милана говорит об их «белом городе», когда я вижу пустые страницы маминого дневника... моя логика дает сбой. Появляется ошибка в вычислениях. И эта ошибка... она кричит, что даже 0.5% шанса остаться людьми – лучше, чем 100% шанс стать эффективным, чистым, бездушным полем. Возможно, это и есть тот самый «шум», который нас спасет. Или погубит. Но другого выбора у меня нет.»

Он повернулся и вышел, оставив Игоря одного в полумраке амбара. В его словах не было примирения, но было понимание. Они снова оказались в одной лодке, посреди бушующего моря, и их весла были сделаны из хрупких, несовершенных человеческих чувств.

Игорь вышел наружу. Работа уже кипела. Антон и его команда карабкались по лестницам к крупным кристаллам на частотке, неся какие-то самодельные приборы, спайки проводов. Оксана собрала вокруг себя группу женщин и нескольких мужчин, что-то живо объясняя, жестикулируя. У периметра сгрудились люди Ефима, их позы были напряженными, взгляды бдительными. А у ворот, на краю леса, по-прежнему стояла черная, безмолвная фигура Тарасова. Он наблюдал за этой внезапной суетой, и, казалось, его стальное лицо выражало легкое, безразличное недоумение. Как ученый наблюдал бы за нелогичными движениями муравьев, чей муравейник он собрался залить жидким цементом.

Игорь подошел к внутренней стороне ворот. Он посмотрел сквозь щель на того, кто пришел судить их человечность. «Мы не сдаемся, – тихо, но внятно сказал он, зная, что доспехи Тарасова, наверняка, улавливают каждый звук. – Мы не отдадим тебе нашу дочь. И мы не станем такими, как ты. Мы останемся собой. Со всем нашим шумом, страхом и любовью. И если твоя «чистота» не выдержит нашего «хаоса» – это будет твоя проблема.» Тарасов не пошевелился. Но через несколько секунд его усиленный голос прошипел из динамиков: «Иррациональная реакция. Предсказуема. Вы приближаете момент принудительной санации. Таймер похищенных экземпляров уже запущен. Через 72 часа без подключения к основной системе архивации их нейронные связи начнут необратимо деградировать. Они войдут в состояние «тихого угасания». Вы не спасаете их. Вы обрекаете на медленную смерть. Ваш выбор – выбор палача, прикрывающегося сантиментами.» Игорь сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. Новая информация, новая петля на шее. 72 часа. Трое суток. «Значит, у нас есть 72 часа, чтобы доказать тебе, что ты не прав, – бросил он в щель. – Начинаем прямо сейчас.»

Он отступил от ворот и пошел к радиостанции, к Оксане, к Антону, к этой безумной, отчаянной попытке спасти своих детей, свою память, свою душу – не силой оружия, а силой самой жизни во всей ее несовершенной, шумной, прекрасной полноте. Раскол в сердцах людей еще можно было преодолеть, но для этого нужна была не просто победа. Нужно было чудо. И они собирались создать его своими руками, своими голосами, своими слезами и смехом,

превратив «Рассвет» в гигантский, кричащий, живой кристалл, свет которого должен был быть виден даже в самой черной, самой бездушной пустоте.

Глава 5: Операция «Зеркало»

Три дня. Семьдесят два часа. Срок, висевший над «Рассветом» дамокловым мечом, отмерялся теперь не только тиканьем часов, но и едва уловимыми изменениями в «очищенных». Лидия, дежурившая у их постелей круглосуточно, заметила первой: у Семена, пробывшего в состоянии дольше всех, начал замедляться пульс. Не критично, на несколько ударов в минуту. Дыхание стало чуть более поверхностным. И самое страшное – та самая белая точка на лбу, пульсировавшая ровным светом, начала по краям терять четкость, будто растворяясь, расплываясь. Как будто сигнал, удерживающий их в «белом городе», начинал слабеть, и вместе с ним таяла сама субстанция их искусственного рая. Слова Тарасова о «тихом угасании» оказались не метафорой, а холодным медицинским фактом.

Это знание подстегивало одних и ломало других. Работа по подготовке «представления» – операции, которую в узком кругу называли «Зеркало», – кипела днем и ночью. Но параллельно с техническими приготовлениями, в подполье страхов и сомнений, зрел иной план. План Матвея.

Игорь видел это по «нитям» сына. Там, где у других была паутина страха, гнева, надежды, у Матвея змеился холодный, стальной голубой узор – узор глубокой, сосредоточенной аналитики, под которым булькала черная, смолистая жила отчаяния. Сын избегал отца, замыкался в своем импровизированном «штабе» – бывшем сарае, где были свезены все уцелевшие книги, чертежи и его бесценные доски с расчетами. Он работал почти без сна, и Игорь, принося ему еду, заставлял его за разговорами с Антоном или за рисованием странных схем, напоминающих то ли нейронные сети, то ли схемы взрывателей.

«Что ты задумал, Матвей?» – спросил Игорь в пятый раз, вставая утром третьего дня в дверях сарая. Сын вздрогнул, поспешно прикрывая ладонью лист с какими-то координатами. «Работаю над синхронизацией. Чтобы наш «сигнал» был не просто шумом, а когерентной волной.» «Ты плохо врешь, – тихо сказал Игорь, входя и закрывая за собой дверь. Запах пыли, старой бумаги и озона от кристаллических батарей ударил ему в нос. – Твои «нити» говорят о другом. О тайне. О риске. О чем-то, что ты скрываешь от всех. Особенно от меня.» Матвей отвернулся, уставившись в стену, увешанную картами местности, испещренными пометками. «Я скрываю это, потому что ты запретишь. Потому что это рискованно. Потому что это может всё испортить.» «Испортить что? Нашу и так отчаянную авантюру?» – Игорь подошел ближе, пытаясь поймать его взгляд. «Нашу единственную надежду, – резко обернулся Матвей. Его глаза горели лихорадочным блеском. – Этот концерт, эта трансляция жизни... Пап, это прекрасно. Это по-человечески. Но вероятность того, что это заставит Тарасова отступить или хоть как-то повлияет на его систему, исчезающе мала. Мы не знаем диапазонов их восприятия. Мы не знаем, способны ли они вообще «услышать» эмоцию как нечто большее, чем помеху. Мы стреляем из пушки по невидимому противнику, надеясь, что звук выстрела его оглушит.» «А твой план?» – спросил Игорь, чувствуя, как у него холодеет внутри. «Мой план – не стрелять наугад. Мой план – проникнуть в их систему и заложить мину замедленного действия прямо в ядро их логики, – слова полились из Матвея теперь, быстрые, отточенные, как будто он репетировал эту речь. – Тарасов сказал: «Курчатовец-2». Значит, есть база. Он пришел оттуда. Его доспехи, его технологии – всё оттуда. И там, наверняка, есть центральный процессор, управляющий всем этим... всем этим кошмаром очистки. Мы не можем до него добраться силой. Но мы можем доставить туда вирус.» «Вирус?» – Игорь нахмурился. «Не компьютерный. Эмоциональный. Паттерн. Закодированный образ, чувство, воспоминание – настолько простое, чистое и... и неотразимо человеческое, что их система, построенная на подавлении подобного, не сможет его обработать. Он вызовет сбой. Цепную реакцию. Как... как чистая нота, спетая в звуко-непроницаемой камере, от которой трескаются стены.» «И как ты собираешься доставить этот

«вирус»? Привязать к стреле и выстрелить в Тарасова?» Матвей усмехнулся, но в его улыбке не было веселья. «Почти. Я собираюсь отдать ему меня.» Тишина в сарае стала вдруг абсолютной, звенящей. Игорь почувствовал, как пол уходит у него из-под ног. «Что?» «Он хочет носителей. Особенно интересных. Я – носитель «Родственного Кода» уровня «Бета». Склонный к логике, но при этом несущий в себе мощный комплекс вины и саморазрушительных паттернов. Для них я – идеальный образец конфликта между остаточной человечностью и стремлением к рациональности. Они захотят меня изучить. Чтобы понять, как «очистить» таких, как я, наиболее эффективно. Я позволю себя взять. Меня отвезут на базу. И там... я активирую вирус.» «Это самоубийство! – вырвалось у Игоря. – Они тебя разберут на части! Или сотрут, как Семена!» «Не успеют, – настойчиво сказал Матвей. – Вирус будет не во мне. Он будет в... в Милане. Вернее, в записи ее эмоционального резонанса. Самой чистой, самой сильной, какой только можно представить. Я закачаю его в кристалл-носитель, вживлю его себе под кожу, в место, где его не сразу найдут их сканеры. И когда я окажусь в сердце их системы, я активирую его. Передавая не через интерфейс, а через прямой нейроконтакт, если они попытаются подключать меня к своим машинам. Или... я просто разобью кристалл. Высвобожу волну.» Игорь смотрел на сына, на его юное, осунувшееся лицо, на глаза, в которых горел фанатичный огонь мученика, готового принести себя в жертву ради абстрактной победы. И в нем закипела старая, знакомая ярость, смешанная с леденящим страхом. «Нет. Абсолютно нет. Мы не торгуемся жизнями членов семьи. Особенно твоей. Мы сражаемся, чтобы все выжили. Все.» «А если это невозможно? – тихо спросил Матвей. – Если закон больших чисел, закон физики и логики говорит, что все мы погибнем? Тогда не лучше ли пожертвовать одной жизнью, одной... неэффективной, полной ошибок жизнью, чтобы спасти сотни? Чтобы спасти Милану? Чтобы дать вам шанс? Это рационально, отец.» В его словах звучала та самая, страшная логика «Курчатовца», только примененная к самому себе. Игорь понял, что сын не просто придумал план. Он внутренне уже принял его, обосновал для себя, приготовился. Это было побегом. Побегом от груза вины за прошлые ошибки, от страха быть обузой, от мучительного конфликта между холодным умом и горячим сердцем. Жертва казалась ему идеальным решением – и искуплением, и реализацией его аналитических способностей, и освобождением. «Твоя жизнь – не ошибка, – с трудом выдавил Игорь. – И она не разменная монета. Мы найдем другой способ.» «Другого способа нет! – взорвался Матвей, впервые за долгое время повысив голос на отца. – Я просчитал все варианты! Все! Ваш «концерт» – это 3% успеха! Мой план – 21%! Почти в семь раз выше! Это цифры, отец! Факты! А не... не твои отцовские чувства!» «Мои отцовские чувства – это единственное, что отличает нас от них! – зарычал в ответ Игорь, указывая рукой в сторону ворот, за которыми стоял Тарасов. – И если мы начнем мыслить их категориями, считать жизни в процентах, то мы уже проиграли, даже если выживем физически! Ты этого не понимаешь?» «Понимаю! – крикнул Матвей. – И поэтому должен сделать это! Потому что я – тот, кто может мыслить их категориями! И использовать их против них! Я – слабое звено, отец. И слабое звено иногда нужно удалить, чтобы сохранить цепь. Или... или использовать как троянского коня.» Они стояли друг напротив друга, отец и сын, разделенные не только годами, но и пропастью мировосприятия. Гнев, страх, боль и любовь – все смешалось в этом тесном, пыльном сарае.

Внезапно дверь скрипнула. На пороге стояла Милана. Она слышала, должно быть, последнюю часть разговора. Лицо ее было бледным, но спокойным. «Брат прав, – тихо сказала она. – И не прав.» Оба мужчины обернулись к ней. «Прав, потому что его план... он имеет силу. Не 21%. Больше. Потому что в нем есть его боль. А боль – это энергия. Та самая, которой нет у них. – Она сделала шаг внутрь. – И не прав, потому что он думает, что должен уйти один. Но Улей... он учится. От нас. Он учится, что сила – в связи. Что один кристалл может сломать. Но множество, резонирующих вместе...» Она подошла к столу, взяла в руки один из мелких, необработанных кристаллов, валявшихся среди бумаг. Он был тусклым. Затем она

протянула другую руку к Матвею. «Дай мне свою руку.» Матвей, ошеломленный, медленно протянул ладонь. Милана положила кристалл ему в руку, а сверху накрыла своей маленькой ладонью. Закрыла глаза. Ничего не происходило несколько секунд. Потом между их пальцев пробился слабый, розоватый свет. Матвей ахнул, почувствовав легкое, теплое покалывание. Когда Милана убрала руку, кристалл в его ладони мягко светился изнутри тем же нежным розовым светом. «Это... что это?» – прошептал он. «Это эхо, – сказала Милана. – Эхо того момента, когда ты вчера вспомнил, как учил меня кататься на велосипеде, и впервые за много месяцев улыбнулся настоящей улыбкой. Не расчетливой. Простой. Я поймала это эхо и... вложила в камень. Потому что Улей теперь умеет не только принимать. Он учится хранить.» Она посмотрела на отца, потом на брата. «Брат не должен идти один. Его боль, его жертва – они станут ключом. Но ключ должен повернуться в замке, который откроем мы все. Всем «Рассветом». Ваш план и его план... они не разные. Они – части одного. Мы проникнем в их эфир с нашей песней. А Матвей... он пронесет в самое сердце их машины не просто вирус. Он пронесет... зеркало. Зеркало, в котором они увидят не свою пустоту, а наше отражение. Увидеть себя со стороны – иногда этого достаточно, чтобы сломаться.» Идея, родившаяся из соединения детской мудрости и древней, только пробуждающейся магии Улья, повисла в воздухе. Это было уже не просто технической диверсией или эмоциональным всплеском. Это был ритуал. Миф, создаваемый здесь и сейчас.

Матвей разжал ладонь, глядя на светящийся кристалл. Его стальные «нити» в интерфейсе Игоря дрогнули, по ним пробежала золотистая искра – не надежды, но понимания. Возможно, это был шанс не просто умереть с пользой, а сделать что-то, что будет иметь смысл, выходящий за рамки холодной статистики. «Как? – спросил он у сестры. – Как создать такое «зеркало»?» «Нужно собрать свет, – просто ответила Милана. – Самый яркий свет, который есть у нас. От каждого. И сплавить его в один кристалл. Не стирая боль, а... преобразая ее. Чтобы то, что ты понесешь к ним, было не оружием мести, а... даром. Самый страшный для них дар – напоминание о том, что они потеряли.» Это звучало как мистический бред. Но в мире, где кристаллы пели, а эмоции материализовались в виде света, это имело свою, зыбкую логику.

Игорь понял, что остановить это уже не сможет. План Матвея обрел новое, опасное измерение, превратившись из акта отчаяния в нечто большее. И он, как лидер и как отец, должен был не запрещать, а взять под контроль, сделать настолько безопасным, насколько это вообще было возможно в их положении. «Хорошо, – тяжело сказал он. – Мы делаем и то, и другое. «Зеркало» становится нашей главной операцией. Антон! – он распахнул дверь сарая и крикнул в сторону, где техник возился с проводами на кристаллической арке. – Меняем приоритеты! Готовь не усилитель для широко вещания. Готовь... записывающее устройство. И передатчик малой мощности, но с максимальной глубиной проникновения. Что-то, что может пробить любые помехи и доставить маленький, но очень яркий сигнал точно в цель.» Антон, вымазанный сажей и маслом, поднял голову, глаза его заинтересованно блеснули. «Записывающее? На чем? На кристаллах?» «На чем угодно. Но сигнал – особый. Эмоциональный паттерн. Тебе нужно будет помочь Милане и Матвею его «собрать» и «упаковать».» Техник медленно кивнул, в его глазах загорелся огонек безумного изобретателя. «Эмоциональный резонанс, записанный на кварцевом носителе с переменной поляризацией... Теоретически... если использовать пьезоэффект и направить его на перепрошивку базовых логических контуров... Да, это может сработать как электромагнитный импульс для искусственного интеллекта, построенного на бинарной логике... если, конечно, их системы имеют аналоговые компоненты, основанные на старой нейросетевой архитектуре...» Его бормотание стало техническим фоном для нового этапа подготовки.

Тем временем Ефим, узнав о плане Матвея, пришел в ярость. «Отдать им парня? Да вы с ума сошли! Они с ним сделают то же, что с детьми!» «Не успеют, – уже более уверенно сказал Матвей, демонстрируя светящийся кристалл. – У нас будет «предохранитель». И вам, Ефим,

нужна будет другая задача – самая важная. Когда я уйду с ними, а наш общий «сигнал» начнет транслироваться, вам нужно будет быть готовым к контратаке. Не на Тарасова. Он, скорее всего, уйдет, чтобы доставить меня. Нас может атаковать кто-то еще. Или... или случится то, на что мы надеемся: их система даст сбой. И тогда вам нужно будет быть готовым войти в образовавшуюся брешь. Чтобы спасти детей. Чтобы захватить их технологии. Чтобы сделать что-то. Но вы должны быть как пружина. Сжаты и готовы.» Ефим мрачно слушал, потирая щетину на щеках. В конце концов он кивнул. «Ладно. Рискнем. Но если парня твоего убьют на моих глазах, Игорь, я лично выйду и перережу глотку этому черному призраку, даже если он меня в пыль обратит.» Подготовка вступила в финальную, лихорадочную фазу. Работали все, даже те, кто еще вчера сомневался. Вид медленно угасающих детей в медпункте был лучшим мотиватором. Николай, отец Кирилла, пришел к Игорю, мрачный и сломленный, но с искрой решимости в глазах. «Я помогу, – сказал он. – Чем угодно. Только верните моего мальчика. Или... или дайте мне возможность отомстить.» Его определили в группу прикрытия к Ефиму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.